
КОНТЕКСТ

Г.Г. КОСАЧ*

НАЦИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИСЛАМСКОГО ПРОЕКТА: ДВИЖЕНИЕ ХАМАС

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные со становлением и эволюцией палестинского движения ХАМАС, частью дискурса и практики которого выступает неприятие Израиля. Апология и использование основанного на религиозной догме насилия в отношении граждан этого государства позволяет квалифицировать это движение в качестве террористического. Однако акцент в статье сделан не на способах борьбы этого движения за свои цели, а на причинах, определивших обращение ХАМАС к исламской риторике и основанной на ней деятельности. Подчеркивается, что они связаны с необходимостью противостояния основному политическому противнику этой организации – движению ФАТХ и возглавляемой им Палестинской национальной администрации. По мнению автора, ХАМАС не только оказался способен выработать собственный политический проект, но и последовательно эволюционировать в направлении его все более четкой «национализации». Это было предопределено как обретением им властных полномочий в секторе Газа, так и изменением региональной ситуации и подвигками в высшем политическом руководстве движения. Можно ожидать, что дальнейшее изменение его позиции будет определяться реальным движением всех игроков на палестинской арене к отказу от насилия на пути к урегулированию палестино-израильского конфликта.

* **Косач Григорий Григорьевич**, доктор исторических наук, профессор кафедры современного Востока факультета истории, политологии и права Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, e-mail: g.kosach@mail.ru

Kosach Grigory, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia), e-mail: g.kosach@mail.ru

© Косач Г.Г., 2018

DOI: 10.31249/poln/2018.04.09

Ключевые слова: ХАМАС; ФАТХ; Палестинская национальная администрация; Хартия ХАМАС; Документ ХАМАС; Палестинская национальная хартия; палестино-израильское политическое урегулирование.

Для цитирования: Косач Г.Г. Национальное измерение исламского проекта: Движение ХАМАС // Политическая наука. – М., 2018. – № 4. – С.179–202. – DOI: 10.31249/poln/2018.04.09

G.G. Kosach

The national dimension of Islamic project: Hamas Movement

Abstract. The article sheds light on the questions connected with formation and evolution of the Palestinian movement Hamas, part of which discourse and practice represents rejection of Israel. The traits which classify this movement as terroristic are apology and use of violence based on religious dogma. The focus of the article, however, is not drawn towards methods the movement utilizes to achieve its goals, but on reasons why Hamas turned to Islamic rhetoric and activities it fuels. The author stipulates that these reasons arise out of necessity to confront the main opponent of the organization – the Fatah movement and Fatah-led Palestinian National Authority. It is stated that Hamas has not only been able to devise its own political project, but to evolve into a clear national entity. This tendency has been predetermined by seizure of power in the Gaza strip, changes in the top political leadership of the movement and by regional political shifts. It is expected that further development of its stance will follow the real drive of all the actors in the Palestinian arena towards non-violence in attempts to settle the Palestinian-Israeli conflict.

Keywords: Hamas; Fatah; Palestinian National Administration; Hamas' Charter; Hamas' Document; Palestinian National Charter; Palestinian-Israeli political settlement.

For citation: Kosach G.G. The national dimension of Islamic project: Hamas Movement // Political science (RU). – М., 2018. – N 4. – P. 179–202. – DOI: 10.31249/poln/2018.04.09

ХАМАС¹, но равным образом и ФАТХ² (базовая структура в Организации освобождения Палестины – ООП) – акторы, доминирующие на палестинском политическом поле. Сферы их влияния (определяемые конструкцией пространства *квазигосударства*) де-

¹ Аббревиатура арабского названия организации *Харака аль-мукавама аль-ислямийя* – Движение исламского сопротивления.

² Перевернутая аббревиатура арабского названия организации *Харака ат-тахрир аль-фаластиний* – Движение палестинского освобождения.

маркированы: сектор Газа – вотчина ХАМАС, Западный берег – ФАТХ.

Обе организации кажутся идеологическими и политическими антиподами. Но они – участники длительного конфликта с использованием масштабного политического насилия, когда многочисленные боевые операции, совершавшиеся и против гражданского населения Израиля, оправдывались (в случае ФАТХ), либо оправдываются (в случае ХАМАС) риторикой «освобождения Палестины». Если в момент своего возникновения ФАТХ апеллировал к светской (хотя и обрамляемой религиозными символами) концепции национализма, ставившей под сомнение законность регионального присутствия еврейского государства, то ХАМАС обращался к религии.

Преданная гласности в 1988 г. Хартия Движения открывалась цитатами из Корана, проецировавшимися на его сторонников: «Вы были лучшей из общин, которая выведена пред людьми» [Коран, 1982, с. 110–112]. Сопровождавшие коранический *айят* слова основателя Движения «Братья-мусульмане» Хасана аль-Банна «Израиль будет стоять до тех пор, пока его не низвергнет ислам» [Мисак Харака... преамбула] не оставляли сомнений в том, что целью возникшей во второй половине 1980-х годов организации выступала ликвидация «сионистского образования». Эта цель не выглядит исчерпанной и сегодня – комментируя события весны 2018 г., «Великий марш возвращения» у границы Газы и Израиля, пресс-релиз ХАМАС подчеркивал: «Героический палестинский народ... направил мощное послание всем, кто игнорирует его неотъемлемые права: его дело не дело голодных, его трагедия не гуманитарная катастрофа, а принципиальная политическая проблема борьбы с сионистским противником» [Байян сухуфий...].

Акции самоубийц и обстрелы суверенной территории еврейского государства – достаточное основание для того, чтобы Израиль и страны Запада видели в ХАМАС (или, по крайней мере, в его военизированном крыле – Бригадах Изз ад-Дина аль-Кассам¹) террористическую организацию. Подписанная в 1993 г. ООП и Израилем Декларация принципов о временных мерах по самоуправлению, провозгласившая стремление обеих сторон к «историческому при-

¹ Изз ад-Дин аль-Кассам – мусульманский религиозный деятель из Хайфы, руководивший действовавшей в 1935 г. вооруженной группой своих сторонников. После гибели в стычке с полицией стал символом палестинского сопротивления.

мирению через согласованный политический процесс» [Декларация принципов... преамбула], и создание Палестинской национальной администрации (ПНА) гарантировали ФАТХ международное признание (что тем не менее не исключило обоснованных обвинений в террористической деятельности в начале 2000-х годов, когда развивалась *интифада мечети аль-Акса*). Если в начале 1990-х годов и возникала возможность поступательного движения к достижению палестино-израильского политического урегулирования, то деятельность ХАМАС расколола палестинское движение и сорвала решение конфликта.

ХАМАС и ФАТХ не только господствуют на палестинском политическом поле (время, прошедшее с момента создания ПНА, позволило ФАТХ, установившему прочные связи с ведущими кланами – *хамаиль* палестинского социума, маргинализировать своих союзников по ООП), но и выступают в качестве конкурирующих организаций. ХАМАС, квалифицируя себя «лучшей из общин», обращается не столько к «сионистским узурпаторам», сколько к руководству ПНА и ФАТХ, доказывая, что оно движется по пути «капитулянтства» и «национального предательства».

Но является ли ХАМАС исламской политической, т.е. транснациональной по сути, либо палестинской организацией? Выдвигает ли эта структура собственный политический проект и как предполагает его реализовать? Означает ли ее существование, что решение палестинского вопроса не представляется реальным?

Палестинская идея в исламской риторике: Хартия 1988 г.

Первая интифада (1987–1991) изменила организационное оформление палестинских исламистов, как и приоритеты их деятельности. Если в 1977 г. (спустя десять лет после июньской войны 1967 г.) израильские власти официально зарегистрировали созданную в Газе Мусульманскую ассоциацию [Mishal, Sela, 1997, p. 10–12], объединившую местных приверженцев Движения «Братья-мусульмане», то в 1988 г. эта Ассоциация трансформировалась в Движение исламского сопротивления во главе с шейхом Ахмедом Ясином. Провозглашенный ранее *внутренний джихад*, подразумевавший мирное восстановление подвергнутых забвению норм религиозной жизни, преобразовывался во *внешний джихад* – дейст-

вия против Израиля. ХАМАС, укоренявшийся по мере развития интифады и на Западном берегу, не только не был частью многополюсной структуры ООП, но и предлагал такое видение палестинского будущего, которого не разделяла ни одна из входивших в нее организаций. Контуры этого видения, терминологически религиозного, демонстрировала его Хартия, альтернатива основным документам ООП, – Палестинской национальной хартии (в редакции 1968 г.) и принятой в 1988 г. Декларации независимости Государства Палестина, предполагавшей создать палестинское государство со столицей в Восточном Иерусалиме «там, где развивается благословенная интифада» [Иалян истикляль... 1999, с. 14], т.е. на Западном берегу и в секторе Газа. Очертив его территорию, ООП *de facto* признала Израиль.

Становясь актором палестинского политического процесса, ХАМАС должен был обрести характер национальной организации – значение жестко расставленных в Хартии религиозных акцентов не должно ни преуменьшаться, ни преувеличиваться. Заявляя о генетической связи с Движением «Братья-мусульмане» [Мисак Харака... ст. 2]), ХАМАС провозглашал себя «особым палестинским движением», «вручающим себя Аллаху, видящим в исламе образ жизни и действующим во имя того, чтобы зная Аллаха реяло над каждой пядью земли Палестины», и одновременно «составным элементом всемирного исламского сопротивления». Исходной точкой этого «сопротивления», итогом которого станет безусловное «уничтожение» Израиля, объявлялось не только выступление Изз ад-Дина аль-Кассама, но и «вдохновленные джихадом акции “Братьев-мусульман”» [Мисак Харака... ст. 1, 7].

Хартия ХАМАС, не определяя границы Палестины, провозглашала ее *вакфом*¹, «врученным будущим поколениям мусульман вплоть до Судного дня». Мысль пояснялась: «Никакое арабское государство либо все арабские государства, никакой король или президент либо все короли и президенты, никакая организация либо все палестинские и арабские организации» не правомочны «отказаться или уступить какую-либо часть ее территории» [Мисак Харака... ст. 11]. Вывод, сопровождавшийся *айятом* «Действительно, это, конечно, истина несомненности!» [Коран, 1982, 56:95], не мог быть оспорен. Включив «идею родины в религиоз-

¹ *Вакф* – неотъемлемая собственность мусульманской общины.

ную доктрину», ХАМАС стал воплощением «высшего патриотизма», «подняв над родиной Божественное знамя, неразрывно связывающее землю и небо» [Мисак Харака... ст. 11].

ХАМАС категорически отбрасывал любые методы «мирного решения» палестинской проблемы. Путь к ее решению пролегал только через «джихад» [Мисак Харака... ст. 13], становящийся «обязанностью каждого мусульманина, если враги узурпируют какую-либо часть земли ислама» [Мисак Харака... ст. 14]. Мыслилось, что «джихад» должен развиваться в трех взаимосвязанных сферах – «палестинской, арабской и исламской» [Мисак Харака... ст. 14], когда «взаимозависимость» членов «мусульманского сообщества» (определяемая грозящим этому сообществу победившим «в колониальных странах Востока и Запада сионистско-масонским заговором» [Мисак Харака... ст. 22]) предполагала участие в «джихаде» представителей всех гендерных, социальных и профессиональных групп и страт [Мисак Харака... ст. 18]. «Всемирный» характер «сионистско-масонского заговора» определял и методы джихада – противостояние «сионистскому вторжению» требовало практической реализации смысла *хадиса* Пророка: «Не проходит и часа, а мусульмане сражаются с иудеями и убивают их» [Мисак Харака... ст. 7].

«Высший патриотизм» ХАМАС определял пределы и возможности его сотрудничества с организациями и движениями, действующими в «палестинской сфере». Заявляя о том, что ООП (речь шла, в первую очередь, о ФАТХ) «наиболее близкая Движению исламского сопротивления» структура, ХАМАС подчеркивал: «Светская идея абсолютно противоречит религиозной идее». Это означало невозможность уступок. «Мы не можем принять, – отмечала Хартия, – идею светскости, поскольку исламский характер Палестины – часть нашей веры». Лишь тогда, когда ООП «примет ислам как образ жизни, мы станем ее воинами» [Мисак Харака... ст. 27]. В равной мере это относилось и к «арабской сфере».

ХАМАС и ФАТХ: Время после создания ПНА

Хартия ХАМАС появилась в эпоху, когда ООП, став «законным представителем арабского народа Палестины», руководила им извне – в годы первой интифады ее институты располага-

лись в Тунисе, а ее базой была разбросанная по арабским странам палестинская диаспора. ХАМАС же действовал в пределах «национальной» территории, обращаясь к тем, кого в дальнейшем в палестинском политическом дискурсе назовут *муватынун* – жителям этой территории.

К ним обращалась и Хартия: в этой среде степень устойчивости традиции была выше, чем среди палестинцев диаспоры. Израильская оккупация, трансформировавшая хозяйственные ориентации и социальную структуру палестинцев Западного берега и сектора Газа, не меняла главного – их консолидации ради противостояния враждебной внешней силе. Эта консолидация, как писал палестинский социолог, опиралась на религию, игравшую «центральную роль среди ценностных установок общества» [Кассис, 1997, с. 132].

В своем противостоянии ООП ХАМАС использовал уже накопленные им преимущества. Он располагал широкой сетью созданных им в обоих палестинских регионах благотворительных организаций. Его сторонники были активны во всех общественных объединениях Западного берега и сектора Газа – студенческих, женских и профсоюзных. ХАМАС опирался на финансовые пожертвования из стран Персидского залива (негосударственные, поступающие от различных частных и общественных фондов). Его возможности приближались к возможностям ООП (в первую очередь, ФАТХ), спонсорами которой в 1980-е годы выступали государственные структуры тех же стран.

В отличие от любого другого актора палестинской политики, ХАМАС был «автохтонной» организацией – ни одна из входивших в ООП структур идеологически, а часто и организационно, не могла с достаточным основанием претендовать на этот статус. Использование же им религиозной риторики было оправдано поиском идейно-политической ниши, которая не использовалась (или использовалась незначительно) членами ООП.

Начало 1990-х годов предоставило руководству ООП уникальную возможность добиться тактического успеха в противостоянии ХАМАС. Советская «перестройка» разряжала силовое поле биполярной конкуренции в регионе Ближнего Востока. Последовавшая за ликвидацией кризиса вокруг Кувейта в 1991 г. Мадридская мирная конференция по ближневосточному урегулированию, как и подписание подготовленной в Осло Декларации

принципов, демонстрировали способность двух региональных акторов использовать вновь возникшую ситуацию. Вслед за подписанием этого документа в Каире был заключен договор «Газа – Иерихон в первую очередь», открывший перспективу формирования институтов палестинской власти. 1 июля 1994 г. руководство ООП и ее лидер Я. Арафат переехали из Туниса в Газу. ПНА обрела черты реальности.

Во второй половине сентября 1993 г. (десять дней спустя после обнародования договора «Газа – Иерихон в первую очередь») Иерусалимский центр информации и коммуникаций (*Jerusalem Media & Communication Center*) провел опрос общественного мнения жителей обоих палестинских регионов. Результаты опроса свидетельствовали о том, что Декларацию принципов полностью поддерживали 66,4% участников опроса на Западном берегу и 27% в секторе Газа. 57,6% первой группы респондентов и более чем 64% второй (более 60% всех респондентов) считали, что она может стать первым шагом к созданию палестинского государства. 71% жителей Западного берега и почти 76% сектора Газа подчеркивали важность прямого палестино-израильского переговорного процесса. Более 42% представителей Западного берега и почти 53% сектора Газа заявили, что их доверие руководству ООП и лично Арафату «значительно выросло». Поддержка ХАМАС составила чуть более 17% на Западном берегу и немногим более 18% в секторе Газа [Натаидж иститляят, 1999, с. 10–12]. Движение к обретению национальной государственности казалось необратимым.

Однако Декларация принципов не предоставила ООП возможности обретения полномасштабных суверенных прав. Собственно, она и не поднимала этот вопрос: ее положения предусматривали лишь создание условий, позволяющих «палестинскому народу на Западном берегу и в секторе Газа осуществлять самоуправление на демократической основе». Это предполагало, что в течение «девяти месяцев с момента вступления в силу Декларации принципов» в обоих палестинских регионах будут «проведены прямые, свободные и всеобщие выборы» с целью «избрания Совета палестинского народа (парламента. – Г. К.)», который в дальнейшем сформирует органы исполнительной власти. Деятельность новых институтов должна была развиваться если не вместо структур ООП, то, по крайней мере, параллельно им. И «Совет пале-

стинского народа», и ПНА не были связаны с палестинской диаспорой [Декларация принципов... ст. 3].

Декларация принципов определяла статус ПНА как «автономной палестинской переходной власти». Пятилетний «переходный период» ее функционирования должен был привести к «реализации резолюций Совета Безопасности № 242 и 338». Это предполагало передачу под палестинский суверенитет всех оккупированных районов Западного берега и сектора Газа, но оставляло открытым вопрос о распространении этого суверенитета на Восточный Иерусалим [Декларация принципов... ст. 4–5]. Сама возможность положительного для палестинцев решения этого вопроса заранее исключалась Израилем – принятые кнессетом законодательные акты (закон 1967 г. о возможности распространения израильской юрисдикции на любую территорию в составе бывшей подмандатной Палестины, позволивший уже тогда сделать это в отношении Восточного Иерусалима, и Основной закон об Иерусалиме 1980 г., провозгласивший весь этот город «неделимой столицей Израиля») сохраняли свою силу.

Сфера потенциального палестинского суверенитета еще более сужалась мерами, направленными на воссоздание старых (существовавших до 1948 г.) или строительство новых (после 1967 г.) поселений. На них контроль ПНА никогда не распространялся. ПНА лишалась возможности самостоятельных действий в сфере проблем, связанных с беженцами, охраной внешней границы национальной территории и поддержанием там общей безопасности (хотя и могла создать собственную полицию). ООП соглашалась с возникновением не суверенного политического образования, а *квазигосударства*.

Однако сильной стороной Декларации принципов было то, что она открыла Арафату путь на территорию, провозглашавшуюся его сторонниками национальной. Она позволила ему и его соратникам нанести первые (не встретившие сколько-либо серьезного общественного осуждения) удары по «внутренним» противникам, – в ноябре 1994 г. сформированная из числа сторонников движения ФАТХ полиция подавила выступление приверженцев ХАМАС в Газе. Ведущая организация палестинской оппозиции более не могла, как это происходило в ходе контактов с представителями ООП до 1994 г., ссылаться на свою роль в годы первой интифады и требо-

вать не менее 40% мест в будущих органах национального самоуправления [аль-Джабрауи, 1994, с. 28–29].

Весной 1996 г. окружение Арафата предприняло попытку расколоть ХАМАС, оказав содействие становлению Партии национального исламского спасения. Ее основатели заявляли, что, отвергая «несправедливые соглашения, заключенные с израильским противником», они будут участвовать в работе палестинского правительства и «внесут свой вклад в созидание страны» [Legrain, 1998, p. 174].

20 января 1996 г. на территории обоих палестинских регионов прошли первые выборы главы¹ ПНА и депутатов Палестинского законодательного совета (парламента). Формально как президентские, так и парламентские выборы были альтернативными и массовыми – в них приняли участие более 80% всех зарегистрированных избирателей. В обстановке продолжавшейся национальной эйфории и жестких превентивных мер в отношении религиозной оппозиции, сделавших невозможным ее открытое участие в кампании, Арафат получил более 87% голосов избирателей [Ibid., p. 175–176].

Итоги парламентских выборов также продемонстрировали победу ФАТХ, представители которого получили 51 место из (в то время) 88 в Палестинском законодательном совете [The Palestinian Council, 1998, p. 124]. Но официальный отказ ХАМАС участвовать в парламентских выборах не означал, что его сторонники не приняли в них участия в качестве «независимых» кандидатов. В высшем органе палестинской законодательной власти были представлены как приверженцы ФАТХ (61% всех депутатов), так и «независимые» – сторонники ХАМАС (5%) вместе с беспартийными «независимыми» [The Palestinian Council, 1998, p. 224].

Постепенное вхождение ХАМАС во власть подтверждалось и составом сформированного в июне 1996 г. первого палестинского правительства, где два поста (министра коммуникаций, а также по делам молодежи и спорта) были предоставлены «независимым» – сторонникам ХАМАС. В дальнейшем состав правительства (март 1998 г.) подвергся корректировке, когда один из «независимых» – сторонников ХАМАС стал министром без портфеля [The Palestinian Council, 1998, p. 229]. ПНА была окончательно сформирована.

¹ В палестинском дискурсе *ар-раис* – президент.

Представленные в палестинском парламенте беспартийные «независимые» были связаны с влиятельными мусульманскими и христианскими клановыми группировками основных городов Западного берега и сектора Газа. В равной мере это относилось и к членам парламентской фракции ФАТХ. В отличие от них, ни один из «независимых» – сторонников ХАМАС в парламенте и в первых правительствах ПНА не принадлежал к семьям-кланам сектора Газа, представляя собой новую политическую элиту этого региона, в основе легитимности которой лежала харизма шейха Ахмеда Ясина.

Сама же «национальная власть» была не более чем союзом облаченных в партийные одеяния кланово-региональных группировок, окружавших Арафата и его ближайших соратников, перенесенных на национальную территорию. Легитимность ПНА в большой степени обеспечивалась признанием со стороны Израиля. Способность ПНА осуществлять управление и предоставлять общественные блага населению едва ли не в полном объеме зависела от курса второго соавтора Декларации принципов. Хрупкость этой системы была очевидна.

Воскрешение «биполярности» палестинского политического поля

В начале октября 2000 г. в секторе Газа и на Западном берегу вновь развернулись ожесточенные столкновения палестинцев с вооруженными силами Израиля – началась интифада мечети Аль-Акса. В логике сторонников ХАМАС это было продолжением первой интифады, задачи которой не были решены.

Национальная власть обвинялась в неэффективности проводившегося ею после создания ПНА курса. В течение 1990-х годов эта власть так и не смогла изменить экономическое положение жителей палестинских регионов. Политическую элиту (и самого Арафата) не без оснований обвиняли в коррупции и nepотизме, расхищении зарубежной финансовой помощи, ограничении социальной мобильности.

Затягивание мирного процесса концентрировало в себе социально-экономические проблемы. 43,7% участников опроса, организованного в декабре 1997 г. Иерусалимским центром информации и коммуникаций, считали, что годы существования

ПНА привели к ухудшению их материального положения, но подчеркивали, что оно может измениться к лучшему, если возникнет «суверенное национальное государство» [Натаидж иститляят... 1999, с. 45–47].

Рейтинг ФАТХ как правящей партии также имел тенденцию к снижению (с 46,6% в июне 1995 г. до 32,9% в мае 1998 г.). В равной мере это относилось и к Арафату. Если в ноябре 1996 г. его рейтинг составлял 67,8%, то в сентябре 1997 г. – только 36,2%. Жители обоих палестинских регионов испытывали все большее разочарование в своем политическом лидере. На этом фоне был очевиден рост популярности шейха Ясина – 0,4% в феврале 1996 г. и 5,6% в мае 1998 г. В свою очередь, росла и степень доверия к ХАМАС – ему доверяли 12,4% респондентов в ноябре 1996 г. и 18% в мае 1998 г. [там же, с. 48–49, 62–64].

В апреле 1997 г. в ходе опроса того же Иерусалимского центра были впервые поставлены вопросы об отношении респондентов к возможности «возобновления вооруженных операций против израильских объектов». Тогда 39,8% всех опрошенных заявили, что эти операции стали бы «подходящим ответом в нынешней политической ситуации». Одновременно 62,7% респондентов выступили за «эскалацию выступлений протеста против Израиля»; 31,3% среди них считали, что «власть должна поддержать эти выступления» и лишь 23,1% – «воспрепятствовать им» [там же, 1999, с. 42–43].

В годы второй интифады власть оказалась неспособна противостоять усилившимся тенденциям к открытому проявлению насилия, что, впрочем, было обусловлено самой ее конструкцией. Вооруженные формирования ФАТХ стали (наряду с вооруженным крылом ХАМАС) одной из сил, осуществлявших акции устрашения в границах ПНА и на израильской территории. Арафат следовал в русле господствовавших настроений, что предполагало возобновление антиизраильской «национальной и освободительной борьбы» и поддержку новой интифады. Его пребывание в осажденной президентской резиденции в Рамалле возвращало ему ореол «жертвенного героизма». Но тот же ореол обретал и ХАМАС – в марте 2004 г. израильские специальные службы убили шейха Ясина, а в апреле того же года – его преемника Абдель Ази-за ар-Рантиси.

Интифада мечети Аль-Акса восстановила равенство сил между ФАТХ и ХАМАС. Эта ситуация стала итогом более ранних процессов, фиксирувавшихся палестинскими социологами еще в конце 1990-х годов. Они отмечали, что сторонник ХАМАС – это житель, прежде всего, сектора Газа (30,7% его жителей поддерживали это движение) и, чуть в меньшей степени, Западного берега (26,8%). Приверженцами ФАТХ в секторе Газа были 42,3% и на Западном берегу 43,9% всех опрошенных [Хиляль, 1997, с. 140–145].

Примерное равенство сил обеих политических структур создавало условия для их обращения к демократическим формам государственного строительства, тем более что вторая интифада клонилась к закату. В январе 2005 г., после смерти Я. Арафата 11 ноября 2004 г., состоялись президентские выборы и в январе 2006 г. – парламентские.

Выборы нового главы ПНА вновь были альтернативными, в них участвовали не только премьер-министр и избранный после смерти Арафата председателем Исполкома ООП Махмуд Аббас, но и шестеро его соперников. Среди них два «независимых» – сторонники ХАМАС: уроженец Газы, специалист по международному праву Абдель Карим Шбайр и уроженец деревни близ Тулькарама, обладатель магистерской степени по специальности «менеджмент» университета штата Миссисипи Абдель Халим аль-Ашкар [The Presidential Elections... 2005, p. 49–52].

Программы кандидатов на вакантный пост главы ПНА кардинально не различались – они были обращены ко всем слоям населения обоих регионов и содержали с теми или иными нюансами положения, принципиальные для палестинского общества после очередной вспышки насилия. Кандидаты обещали избирателям «хлеб, работу, медицинское обслуживание, экономическое развитие, строительство новых домов», а также «бескомпромиссную борьбу с коррупцией и nepотизмом». Эти положения сопровождались заявлениями о необходимости «создания суверенного государства» [аль-Барамидж аль-интихабий... 2005, с. 2–13].

Представители ХАМАС не требовали «уничтожения» Израиля и не квалифицировали Палестину как *вакф*, но призывали «уважать решения международной законности». Они провозглашали задачу создания в Палестине «гражданского общества», действующего «на основе демократического законодательства» и «независимого от государства и его институтов». Оба кандидата

выступали как защитники женского равноправия и поборники «выработки хартии чести, регулирующей отношения между светскими и религиозными» группами политического действия [аль-Барамидж аль-интихабийя... 2005, с. 8–13].

Победа Махмуда Аббаса на президентских выборах (62,3% голосов всех избирателей) была ожидаема. Он возглавлял палестинское правительство, имел поддержку международного сообщества и Израиля, становился новым лидером ООП (обеспечив себе поддержку всех входящих в нее политических структур) и действовал как прямой наследник своего предшественника.

Результаты выборов в Палестинский законодательный совет демонстрировали иную картину политических предпочтений. На этих выборах победил блок «Перемены и реформа», созданный накануне выборов ХАМАС и некоторыми «независимыми» кандидатами – 76 мест против 45, полученных ФАТХ [аль-Интихабат ат-ташриийя ас-сания].

Победа ХАМАС укрепила ситуацию «биполярности». Глава ПНА Аббас сохранил за собой широкие полномочия и в законодательной сфере, и в областях, связанных с внешними связями, безопасностью и переговорами с Израилем. ХАМАС не располагал парламентским большинством в две трети (88 мест), что не позволяло ему определять процедуру принятия основных законов. Но парламентская фракция ФАТХ была обязана достигать консенсуса с депутатами, представляющими ХАМАС, чтобы обеспечить возможность принятия лоббируемых ею законодательных актов.

ХАМАС, опираясь на свое парламентское большинство, мог инициировать формирование нового правительства. Но это правительство должно было быть многопартийным (при ведущей роли победившего движения). Внешние обстоятельства обязывали ХАМАС продемонстрировать максимум реализма в политической борьбе. Он должен был учитывать и то, что его военизированное крыло уступало вооруженным формированиям, лояльным главе ПНА.

В феврале 2006 г. Аббас поручил лидеру избирательного списка «Перемены и реформа» Исмаилу Ханийе сформировать новое правительство, но настоятельно рекомендовал парламентской фракции ФАТХ отказаться от участия в нем. Президент не был свободен в своих действиях – его позиция едва ли не в полной мере определялась подходами Израиля, США и Европейского союза, продолжавших считать ХАМАС террористической органи-

зацией и угрожавших введением санкций против национальной власти.

В марте 2007 г. после кровавых столкновений между ФАТХ и ХАМАС в начале 2007 г. в Газе «правительство национального единства» во главе с Ханийей было все же сформировано. 16 министров этого правительства представляли ФАТХ, а также «независимых», а восемь министров – ХАМАС. Правительственная программа, обнародованная 16 марта 2007 г., провозглашала стремление «сохранить перемирие (с Израилем. – Г. К.)» и превратить его во «всеобъемлющее, взаимное и согласованное во времени». Правительство обязалось «уважать международные соглашения, подписанные» ООП [ан-Насс аль-камиль].

Новая угроза экономических санкций в случае, если ХАМАС продолжит свое участие во властных структурах, подтолкнула Аббаса к тому, чтобы в июне 2007 г. в одностороннем порядке отправить правительство в отставку. Итогом этого шага стали вооруженный мятеж, предпринятый ХАМАС 15 июня 2007 г. в секторе Газа, и международные санкции в отношении этого палестинского региона.

ХАМАС: Новый вариант «национального» исламского проекта

1 мая 2017 г., менее чем через десять лет после захвата власти в секторе Газа, в ходе пресс-конференции в столице Катара Дохе лидер ХАМАС Халед Машаль представил «Документ о генеральных принципах и политике» (далее – Документ. – Г. К.). Это новый (но сохранивший основополагающие подходы) вариант национального действия, который по сравнению с Хартией в значительно меньшей степени обрамлен религиозной риторикой. ХАМАС попросился со своим прошлым – в Документе более не присутствуют какие-либо указания на генетическую связь с Движением «Братья-мусульмане». Ислам провозглашается «религией мира и толерантности», устремленной к «умеренности» [Васика... Преамбула], а не к экстремизму, что свидетельствует о стремлении ХАМАС отмежеваться от обвинений в джихадистском салафизме и связях с ИГИЛ. Документ лишь в малой степени апеллирует к «арабской и исламской нации». Эта страница исчезала из истории

Движения, уступая место акцентированному подчеркиванию национального характера и самой политической структуры, и методов ее действия.

Преамбула Документа говорит о Палестине как о «земле, где появился, с которой связан и которой принадлежит арабо-палестинский народ», определяя суть палестинского вопроса – «проблемы народа, лишённого земли, народа, права которого мир не смог обеспечить». Этот вопрос возник, потому что на «земле палестинцев» был реализован и продолжает существовать «захватнический и расистский сионистский проект», ответом на который стало «сопротивление, цель которого – освобождение земли, возвращение [к родным очагам] и создание суверенного государства со столицей в Иерусалиме» [Васика... Преамбула]. Границы этой «неделимой земли» четко маркировались – «от реки Иордан на востоке до Средиземного моря на западе, от Рас-эль-Накура¹ на севере до Умм ар-Рашраш² на юге». «Создание сионистского образования» не отменяло «права палестинского народа на всю эту землю» [Васика... ст. 1].

Хотя в преамбуле Документа и говорится, что «ислам возвысил Палестину», она более не рассматривается как *вакф*. Напротив, Палестина квалифицируется как собственность «единого», но «религиозно, культурно и политически многообразного палестинского народа», отмечается, что Иерусалим – *Бейт аль-Микдас* с его «мусульманскими и христианскими святынями» был не только «первой *киблой*³ мусульман и местом вознесения Пророка», но и «колыбелью Христа» [Васика... ст. 7, 10]. ХАМАС же определяется как «палестинское исламское национально-освободительное движение сопротивления», цель которого «освобождение Палестины и противостояние сионистскому проекту, а устремления, задачи и методы действия опираются на ислам» [Васика... ст. 7].

При этом Документ подчеркивает, что «борьба с сионистским проектом не является религиозной борьбой с иудеями», хотя «сионистские захватчики и используют концепции иудаизма», т.е. откровенно антисемитские пассажи Хартии были опущены. В ми-

¹ Мыс на израильско-ливанской границе.

² Арабская деревня, находившаяся на месте современного израильского города Эйлат.

³ Сторона, в направлении которой молится мусульманин. Первоначально – Иерусалим.

ре, где антисемитизм не может принести долгосрочные политические дивиденды, ХАМАС, нуждавшийся в прорыве международной блокады, оправдывает свой новый подход ссылками на «интересы палестинского народа» [Васика... ст. 15–16].

Как и Хартия, Документ ХАМАС далек от оригинальности – многие его положения едва ли не дословно повторяют пункты Палестинской национальной хартии. Это относится не только к «неделимости» Палестины и отказу от смешения сионизма и иудаизма, но и к определению того, кто является палестинцами («арабские граждане, проживавшие в Палестине до 1947 г., как изгнанные с ее территории, так и оставшиеся на ней», и «родившиеся после этой даты от отцов – палестинских арабов»), а также к квалификации «палестинской идентичности» – «не исчезающей и передающейся от отцов к сыновьям» [там же, ст. 4–5].

В равной мере это относится и к определению «сионистского проекта» в его качестве «инструмента создания израильского образования». Этот проект провозглашается «основанным на попрании прав других и враждебным стремлению палестинского народа к свободе и самоопределению» [там же, ст. 14, 17], хотя терминологически речь не идет об открытом призыве к уничтожению еврейского государства. Документ ограничивается провозглашением международно-правовых актов, сделавших возможными еврейское поселенчество в Палестине и создание Израиля (Декларация Бальфура, мандат Великобритании, резолюция № 181 Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1947 г. о разделе Палестины) «не имеющими законной силы» [там же, ст. 18].

Отвечая на Декларацию принципов, Документ подтверждает неизбежность позиций ХАМАС – «полное («от реки до моря») освобождение Палестины» [там же, ст. 20]. Это же относится и к вопросу о палестинских беженцах, право на возвращение которых провозглашается «естественным» [там же, ст. 12]. Декларация принципов и последовавшие за ней палестино-израильские договоренности «не могут привести к миру», а «сопротивление и джихад во имя освобождения Палестины – закон, долг и честь для сынов ее народа» [там же, ст. 20, 23]. Документ считает вооруженное сопротивление «законным с точки зрения Божественных установлений и международного права» [там же, ст. 25].

Но все же в Документе присутствуют и еще более существенные нюансы, обусловленные как изменившимся статусом

ХАМАС, так и ситуацией вокруг сектора Газа. В нем признается необходимость созидания межпалестинских отношений на основе «плюрализма, демократического выбора и национального партнерства». Подчеркивая важность «перестройки ООП на демократической основе» и «служения ПНА палестинскому народу в деле защиты его безопасности и законных национальных прав» [Васика... ст. 28, 31], ХАМАС более не настаивает на союзе с властью только при условии ее перехода на религиозные позиции.

Декларированное стремление к «национальному партнерству» находит выражение в важнейшем положении Документа: «Создание независимого суверенного палестинского государства со столицей в Восточном Иерусалиме (*аль-Кудс*) в границах 4 июня 1967 г.¹ с возвращением беженцев и перемещенных лиц к их очагам» должно стать «формой общенационального консенсуса». При этом ХАМАС утверждает, что речь не идет об «альтернативе освобождению Палестины» либо «признании сионистского образования и уступке в отношении палестинских прав» [там же, ст. 20]. Однако соответствующее положение Документа воспринимается как частичное признание существующей реальности. Содержащееся же в Документе утверждение о «праве народа развивать методы и механизмы сопротивления», воплощавшемся в «управлении сопротивлением, требующим его эскалации либо снижения уровня» [там же, ст. 26], вытекает из контактов пришедшего к власти в Газе ХАМАС с израильской стороной и заключения ими обоюдовыгодных «перемирий».

ХАМАС как правящая партия: Вместо заключения

В начале мая 2017 г. Машаль покинул пост главы Политбюро Движения, а его место занял Ханийя, т.е. в руководстве ХАМАС усилились позиции постоянно проживающих в секторе Газа командиров Бригад Изз ад-Дина аль-Кассама. Риторика ХАМАС менялась, становясь в большей мере национальной и менее религиозной. Но это определялось не только организационными изменениями – Документ был промежуточным итогом развития

¹ День, предшествовавший началу арабо-израильской войны в июне 1967 г.

уже не оппозиционного движения, а политической структуры, обретшей власть и пытавшейся решить проблемы сектора, сохраняя приверженность основополагающим принципам своей доктрины. Многочисленность этих проблем очевидна.

На обстрелы территории еврейского государства (часто инициировавшиеся сторонниками «Исламского джихада») израильская армия отвечала разрушавшими инфраструктуру воздушными налетами и наземными операциями вторжения. Египетские и израильские санкции (как элемент международных санкций) превратили хозяйственную жизнь сектора в «экономику туннелей», по которым осуществлялись контрабандные поставки промышленных и продовольственных товаров из Египта. Осуществляя давление на ХАМАС, ПНА вводила «меры экономической оптимизации» – в апреле 2017 г. распоряжением ее главы были прекращены выплаты израильской стороне за поставляемую в сектор Газа электроэнергию и сокращены на 30% зарплаты работающих там государственных служащих. Если в 2011 г. уровень «глубокой бедности» в секторе составлял 38,8%, то в 2017 г. он достиг 53%.

Экономическая деградация и все расширявшаяся бедность снижали доверие жителей сектора к ХАМАС. Проведенный в августе 2017 г. опрос Иерусалимского центра информации и коммуникаций показал, что уровень этого доверия составлял только 22,9%. В то же время уровень доверия ФАТХ в секторе Газа достиг 34,7% (19,2% на Западном берегу). При этом Ханийя лидировал по популярности среди респондентов сектора – 17,1%, а рейтинг Аббаса был минимален – 3,3% (10,1% на Западном берегу) [Иститля ракм 90... с. 17]. Но уже в январе 2018 г. только 16,7% опрошенных в секторе Газа доверяли ХАМАС, ФАТХ же – 28,9% (18,3% на Западном берегу). Снизился и рейтинг Ханийи – 14,9%. Популярность же Аббаса увеличилась до 10,7% (10,5% на Западном берегу) [Иститля ракм 91... с. 17–18].

Однако ХАМАС сохранил власть. Это было достигнуто не только мерами по подавлению инакомыслия (сразу же после его прихода к власти был нанесен удар по позициям ведущих кланов – сателлитов ФАТХ), но и проведением курса экономического *laissez-faire*. Речь идет не только о деятельности контрабандистов, сформировавших спаянную с ХАМАС страту местного общества, но и об отказе от регулирования деятельности локальных бизнес-структур (объединенных в Торгово-промышленную палату Газы),

самостоятельно (но при учете мнения власти) развивавших контакты с внешними контрагентами (при ведущей роли израильтян). Неизменной осталась и связь рабочей силы сектора с израильским рынком труда; израильский шекель – денежная единица сектора.

Живущие в Газе респонденты Иерусалимского центра информации и коммуникаций лишь в последнюю очередь возлагали вину за свое положение на местную власть, предпочитая обвинять в этом Израиль, власти ПНА либо иные внешние силы. 47% опрошенных в январе 2018 г. считали причиной прекращения поставок электроэнергии в сектор действия Израйля, 22,9 ПНА и 22% – правительства ХАМАС [Иститля ракм 91... с. 12].

Приход ХАМАС к власти не означал разрушения уже существовавших в секторе протогосударственных структур – там продолжало действовать отстраненное Аббасом «правительство народного волеизъявления» Ханийи. Не ставя под сомнение законность результатов президентских выборов, ХАМАС считает, что ПНА должна финансировать учреждения образования, здравоохранения и социального обеспечения. Из этого вытекает более высокая степень разочарования респондентов Газы в отношении администрации ПНА по сравнению с опрошенными на Западном берегу: в январе 2018 г. 42,7% респондентов считали «неудовлетворительной» работу органов здравоохранения (23,7% на Западном берегу), 25,6 – образования (19,3% на Западном берегу), 39,3% – социального обеспечения (28,3% на Западном берегу).

Тогда же 85,8% респондентов выразили убеждение в том, что ПНА коррумпирована (75,9% на Западном берегу) [там же, с. 14–15]. 46% опрошенных в секторе «пессимистичны» или «очень пессимистичны» в отношении ПНА – на Западном берегу эта доля составила 34% [там же, с. 5]. Отвечая в августе 2017 г. на вопрос о том, за кого бы они проголосовали на президентских выборах – за Аббаса или Ханийю, 30% опрошенных отдали свои голоса главе правительства ХАМАС (28% – Аббасу) [Иститля ракм 90, с. 9]. В январе 2018 г. деятельность Аббаса на посту главы ПНА «не удовлетворяла» или «полностью не удовлетворяла» 66% опрошенных сектора (против 48% на Западном берегу) [Иститля ракм 91, с. 12].

Ликвидация влияния ранее ведущих семей создавала в секторе новые возможности социальной мобильности. Иранская и катарская финансовая помощь обеспечивала деятельность репрес-

сивных структур, полиции и Бригад Изз ад-Дина аль-Кассама – их ряды пополняла безработная молодежь. Борьба за выживание подталкивала к созданию разнообразных мастерских и цехов (примитивное оборудование не было препятствием для самодеятельности). Общество Газы архаизировалось – одним из показателей этого процесса стал высокий уровень религиозности, порождающий стоицизм в ситуации санкций и израильских военных репрессий. Если в августе 2017 г. общепалестинский показатель религиозности («религия очень важна в моей жизни») составил 96,4%, то в секторе Газы он был равен 97,8%.

Религиозная идентичность в секторе сопрягается с национальной. 72% жителей Газы заявили в январе 2018 г., что считают себя палестинцами (против 11,6% на Западном берегу), и только 11,6% – мусульманами (12% на Западном берегу) [Иститля ракм 91, с. 17]. Общество Газы выбирало более решительные меры воздействия на еврейское государство, чем его аналог на Западном берегу. В сентябре 2017 г. «противниками» и «решительными противниками» возобновления палестино-израильских переговоров были 49,8% респондентов сектора Газы (37,1% на Западном берегу). 40% опрошенных в то же время отвергали «арабскую мирную инициативу»¹ (среди респондентов Западного берега – 33,8%), а 28,2% поддерживали вооруженные нападения на израильские объекты [Иститля ракм 90, с. 7–8]. В январе 2018 г. 50,2% респондентов считали необходимым для создания палестинского государства начать антиизраильское «вооруженное восстание», а 21,8% выступали за возобновление интифады (26,9 и 36,3% соответственно на Западном берегу) [Иститля ракм 91, с. 10]. Эта точка зрения предвосхитила будущий «Великий марш возвращения».

Существовали ли причины коррекции позиции ХАМАС в отношении ФАТХ и ООП? В этом не приходится сомневаться.

Если в августе 2007 г., спустя два месяца после вооруженного мятежа в Газе, 34,3% жителей сектора считали необходимым «вернуться к правительству национального единства» (22% предлагали «провести внеочередные парламентские выборы» и 25,2%

¹ Принята в 2002 г. на бейрутском саммите Лиги арабских государств. Предусматривает урегулирование арабо-израильского конфликта при условии вывода израильских войск с территорий, оккупированных в ходе войны 1967 г. и создания палестинского государства со столицей в Восточном Иерусалиме.

призвали «возобновить диалог» между обеими ведущими политическими структурами) [Иститля ракм 62, с. 9], то эта позиция могла быть объяснена тем, что в то время власть ХАМАС была далека от стабильности. Однако и в сентябре 2017 г. 60% респондентов в секторе Газа (68,8% на Западном берегу) считали необходимым сохранить ПНА под контролем ООП [Иститля ракм 90, с. 7].

Отвечая на вопрос о том, кто «несет ответственность» за межпалестинские столкновения в секторе Газа, 40,7% респондентов говорили, что это ХАМАС, и 30,9% – ФАТХ (45,1% и 26,9% соответственно на Западном берегу) [Иститля ракм 62, с. 7–8]. В январе 2018 г. эти оценки мало изменились: 42,4% опрошенных в Газе полагали, что обе организации в равной мере ответственны за сохраняющийся разрыв отношений (30,1% на Западном берегу) [Иститля ракм 91, с. 11]. Тогда же 70,2% респондентов в Газе (69,6% на Западном берегу) считали, что «примирение ХАМАС и ФАТХ» будет отвечать «интересам палестинского народа» [там же, с. 7]. В сентябре 2017 г. 36,4% опрошенных (33,9% на Западном берегу) поддержали «новый подход ХАМАС к вопросу о границах, существовавших в июне 1967 г.» [Иститля ракм 90, с. 13].

* * *

Уже в момент своего становления ХАМАС не мог рассматриваться в качестве исламской политической организации, поскольку действовал как структура, стремящаяся в максимально возможной степени обрести национальный характер. Его исламская риторика в первую очередь объяснялась острой политической конкуренцией с ФАТХ, но в целом придание национальной идее трансформированного религиозного измерения является одной из распространенных форм национально-государственного строительства в мусульманском социуме [см.: Кудряшова, 2017, с. 353–354].

Прошедшее с тех пор время лишь укрепило эту тенденцию. Об этом говорит не только способность ХАМАС удерживать обретенные властные полномочия, но и его последовательное движение ко все более глубокой корректировке программных установок, а также перемены на уровне руководства, обусловленные в том числе и динамикой ближневосточной ситуации. Это означает, что

дальнейшее изменение его позиции, продиктованное необходимостью решения палестинского вопроса (и сопоставимое с уже произошедшей трансформацией ФАТХ), будет определяться реальным движением всех игроков на палестинской арене по пути исключаящего политическое насилие урегулирования палестино-израильского конфликта.

Список литературы

- Аль-Барамидж аль-интихабийя ли мурашшихи ар-риаса аль-фалястынийя (Предвыборные программы кандидатов на пост президента Палестины). – Рамалла: Ляджна аль-интихабат аль-марказийя, 2005. – 24 с. – аль-Ихса яъалиян муставаят аль-маиша фи Фаялстын (Бюро статистики распространило данные об уровне жизни в Палестине). – Араб. яз. – Режим доступа: <http://www.pcbs.gov.ps/postar.aspx?tabID=512&lang=ar&ItemID=3114&mid=3915&wversion=Staging> (Дата посещения: 15.04.2018.)
- Аль-Муарада аль-фалястынийя... иля айн? [Палестинская оппозиция... что дальше?] // А. Аль-Джабрауи, З. Абу Амру, И. Абу Люгд, Х. Аш-Шаккаки. – Наблус: Джамийа ан-Наджах, 1994. – 62 с. – Араб. яз.
- Аль-Интихабат ат-таширийя ас-сания (Итоги вторых парламентских выборов). – 2006. – Араб. яз. – Режим доступа: http://www.elections.ps/Portals/30/pdf/PLC2006-ResultsFinalDistributionOfPLCSeats_AR.pdf (Дата посещения: 04.04.2018.)
- Ан-Насс аль-камиль ли барнамадж аль-хукума ва хитаб Ханийя (Полный текст программы правительства и речь Ханийи). – Араб. яз. – Режим доступа: <https://www.arab48.com> (Дата посещения: 28.05.2018.)
- Байян сухуфий садыр ан Харака аль-мукавама аль-ислямийя (Пресс-релиз Движения исламского сопротивления). – Араб. яз. – Режим доступа: <https://hamas.ps/ar/post/8905> (Дата посещения: 30.03.2018.)
- Васика аль-мабадиа ва ас-сиясат аль-амма. – Араб. яз. – Режим доступа: <http://hamas.ps/ar/uploads/documents/599abf9aafa1b76837c1242eb229e87b.pdf> (Дата посещения: 03.05.2018.)
- Декларация принципов о временных мерах по самоуправлению. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/oslo_agreements.html (Дата посещения: 02.04.2018.)
- Иалян истикляль ли Дауля Фаялстын (Декларация независимости Государства Палестина). ат-Тахаввуль ад-димукратый фи Фаялстын (Демократическая трансформация в Палестине). – Иерусалим: Мультака аль-фикр аль-арабий, 1999. – С. 13–14. – Араб. яз.
- Истигля ракм 90. Айлюль 2017 (Опрос № 90. Сентябрь 2017). – Араб. яз. – Режим доступа: <http://www.jmcc.org/documentsandmaps.aspx?id=875> (Дата посещения: 25.05.2018.)

- Иститля ракм 91. Канун ас-сани 2018 (Опрос № 91. Январь 2018). – Араб. яз. – Режим доступа: <http://www.jmcc.org/documentsandmaps.aspx?id=878> (Дата посещения: 25.05.2018.)
- Кассис М.* Илякат аль-фард би аль-муджтамаа ва баад кадая аль-муджтамаа аль-маданий фи Фалястын (Взаимоотношения индивидуума и общества, а также некоторые проблемы гражданского общества в Палестине) // Дирасат тахлилийя ли ат-таваджжухат ас-сиясийя ва аль-иджтимаыйя фи Фалястын (Аналитические исследования тенденций политического и социального развития в Палестине). – Наблус: Джамийа ан-Наджах, 1997. – С. 132–158. – Араб. яз.
- Коран / Пер. и ком. И.Ю. Крачковского. – М.: Наука, 1982. – 612 с.
- Кудряшова И.В.* Мусульманская политическая идентичность в современную эпоху: Священный текст и социальный опыт // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – М., 2017. – Т. 19, № 4. – С. 349–365.
- Мисак Харака аль-мукавама аль-ислямийя (Хартия Движения исламского сопротивления). – Араб. яз. – Режим доступа: <http://palestine.paldf.net/> (Дата посещения: 15.05.2018.)
- Натаидж иститлябат ар-рай хауль ара аль-фалястынийин би аль-кадая ас-сиясийя аль-ания. 1993–1998 (Иерусалимский центр информации и коммуникаций. Итоги опросов общественного мнения в связи с точкой зрения палестинцев по текущим политическим проблемам. 1993–1998). – Аль-Кудс (Иерусалим): Марказ Аль-Кудс ли аль-иялям ва аль-иттисаль. – 1999. – 228 с. – Араб. яз.
- Хиляль Дж.* Кираа фи масх ли таваджжухат аль-джумхур аль-фалястыний фи Ад-Дыффа аль-гарбийя ва кытаба Газа тиджах низам аль-хукм (Анализ тенденций общественного мнения палестинского населения Западного берега и сектора Газа в отношении системы власти) // Дирасат тахлилийя ли ат-таваджжухат ас-сиясийя ва аль-иджтимаыйя фи Фалястын. – Наблус: Джамийа ан-Наджах, 1997. – С. 139–157. – Араб. яз.
- Legrain J.-F.* Autonomie palestinienne: La politique des néo-notables. – Les parties politiques dans les pays arabes. Le Machrek // Révue des mondes musulman et de la Méditerranée. – Aix-en-Provence, 1998. – N 81/82. – P. 153–206.
- Mishal S., Sela A.* HAMAS: A behavioral profile. – Tel-Aviv, 1997. – 45 p.
- The Palestinian Council. – Jerusalem: Jerusalem Media & Communication Center, 1998. – 229 p.
- The Presidential Elections 2005. Guide Book. – Ramallah: Center Elections Commission, 2005. – 56 p.